

**Межконфессиональные контакты Русской православной церкви
в послеоктябрьский период (октябрь 1917-го – 1921 гг.)**

Юрий Николаевич Макаров

Сочинский государственный университет, Россия
354003, г. Сочи, ул. Советская, 26 а.
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы взаимоотношений Русской православной церкви (РПЦ) с представителями других конфессий в первые годы советской власти. Рассматриваются акции протеста представителей разных конфессий против проводимой большевиками политики.

УДК 93/94

Ключевые слова: Русская православная церковь (РПЦ), межконфессиональные контакты, римская католическая церковь, англиканская церковь, наркомат юстиции, ВЧК.

До февраля 1917 года Православная Церковь в России, будучи церковью государственной и «правлящей», к установлению устойчивых межконфессиональных связей, по сути, не стремилась, в особенности с религиозными объединениями тех вероисповедных направлений, которые активно занимались прозелитизмом и могли бы составить конкуренцию РПЦ на ее канонической территории.

Одним из малочисленных положительных примеров межконфессиональных контактов РПЦ являлся факт создания в Петербурге (с благословения Святейшего Синода) еще до Первой мировой войны «Общества сближения Англиканской Церкви с Православной». Данное начинание имело продолжение уже после февральской (1917 г.) революции. Поместный собор 1917–1918 гг. учредил специальный отдел, которому было поручено изучение вопросов «единения с Православными Церквями всех христианских исповеданий». 7 (20) сентября 1918 г. Собором было принято постановление об организации при Святейшем Синоде постоянной комиссии по диалогу со старокатоликами и англиканами [1] с целью изыскания путей к единению с названными дружественными конфессиональными объединениями на основе Учения и Предания древне-кафолической Церкви. Председателем Комиссии назначается (19 ноября / 2 декабря 1918 г.) митр. Сергей (Страгородский). Впрочем, практическая реализация резолюции (не рассмотренной на Совещании епископов и потому «канонически» не утвержденной) откладывалась на неопределенное время.

Вопрос о принятом Собором постановлении был поднят на заседании высшего церковного управления (ВЦУ) 7 (20) декабря 1918 г. Однако большинство присутствовавших отклонило предложение об учреждении комиссии по образцу Соборной. Вместе с тем ВЦУ благословило «Общество сближения Англиканской Церкви с Православной» на расширение своей деятельности (заклучавшейся, главным образом, в чтении лекций и издании соответствующей литературы) за счет включения в перспективные планы его работы вопросов взаимоотношений со старокатоликами [2].

Если на уровне руководства РПЦ межконфессиональные контакты носили единичный и спонтанный характер, то на епархиальном, менее официальном уровне, межконфессиональная активность (после падения самодержавия) была более заметна. Так, ряд православных архиереев положительно откликнулся на инициативу петербургских католиков (в частности, князя П.М. Волконского), предложивших (май – июнь 1917 г.) основать «Общество поборников воссоединения церквей». С католической стороны в него вошли митр. А. Шептицкий, арх. Э. фон Ропп, еп. И. Цепляк; с православной – бывший еп. Смоленский Петр и еп. Трифон; со старообрядческой – еп. Нижегородский и Костромской Иннокентий (Усов И.Г.), еп. Петроградский Геронтий (Лакомкин Г.И.), кн. А.Д. Оболенский, кн. Э.Э. Ухтомский, кн. Е. Трубецкой, Г.А. Рачинский, о. Сергей Соловьев [3]. Впрочем, судя по всему, начинание продолжения не имело. В связи с последовавшими вскоре репрессиями и эмиграцией многих членов общества в 1918 г. перестало существовать.

Приход к власти большевистской партии внес свои коррективы в разрешение проблемы межконфессиональных отношений в России. Декрет об отделении церкви от государства и школы

от церкви, как представлялось, в равной степени затрагивал интересы всех Церквей и религиозных объединений, заставляя верующих и священнослужителей вне их конфессиональной принадлежности испытывать стремление к единению перед лицом общего противника – государственного атеизма. Поэтому первые же ярко выраженные богоборческие действия властей, направленные против РПЦ (события 19 января 1918 г. вокруг Александро-Невской лавры), вызвали массу сочувственных печатных откликов со стороны инославного и иноверческого духовенства (евангелическо-лютеранского, магометанского, иудейского, армяно-григорианского и др.) [4].

Возвысил свой голос в защиту Православной церкви и Папа Римский. Это произошло вслед за тем, как Сибирское ВВЦУ во главе с арх. Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским И.Л.), пытаясь приостановить гонения против РПЦ, разворачивавшиеся на территории Советской России, обратилось за поддержкой к Римской курии. 12 марта 1919 г. по поручению Бенедикта XV статс-секретарь Ватикана кардинал П. Гаспарри в специальном послании, направленном в адрес СНК РСФСР, акцентируя внимание В.И. Ленина на том, что «ваши приверженцы преследуют служителей Бога, в особенности тех, которые принадлежат к православной религии», призвал руководителей Советского правительства уважать духовных лиц любой веры. Г. Чичерин вынужден был официально опровергать факты гонений на РПЦ [5].

Акции протеста священнослужителей разных конфессий неоднократно имели место в течение весны – лета 1918 г. Так, 29 июня 1918 г. в Петрограде представители единоверцев, католиков, лютеран, иудеев, магометан и др. были приглашены на чрезвычайное епархиальное собрание приходов РПЦ для обсуждения проблем, возникших в связи со вступлением в силу циркуляра Комиссариата просвещения Северной Трудовой Коммуны об изъятии из школ предметов религиозного почитания [6]. Присутствовавшие от имени всех представленных в зале конфессий обратились к советскому руководству с требованием допустить духовенство к разработке законодательства о культах [7].

5 сентября 1918 г. доверенное лицо Патриарха Тихона проф. Н.Д. Кузнецов и экзарх греко-католиков протопресвитер Л. Федоров [8] направили в СНК письмо с критикой Инструкции НКЮ от 30 августа, по сути, подменявшей собой, по их словам, Декрет об отделении Церкви от государства, который на ее фоне выглядел «подлинной хартией свободы совести». Аналогичные действия были предприняты католическим арх. фон Роппом, экзархом Л. Федоровым и Петроградским православным митрополитом Вениамином (Казанским) после опубликования в «Известиях ВЦИК» за 5 февраля 1919 г. циркуляра НКЮ о методах проведения в жизнь культового законодательства [9].

Представители старообрядцев и сектантов (И. Бочагин), как явствует из материалов позднейшего уголовного дела, принимали известное участие в работе «Совета объединенных [православных] приходов г. Москвы» [10], начавшего функционировать с февраля 1918 г.

Однако совместные шаги духовенства и верующих различных конфессий, эпизодически имевшие место в первое время после прихода РСДРП(б) к власти и направленные против богоборческого курса большевиков, продолжения не получили и в устойчивую объединительную тенденцию не переросли. Важным дезинтегрирующим фактором, мешавшим представителям различных вероисповеданий находить общий язык между собой, служила правительственная политика, допускавшая возможность предоставления (из прагматических соображений) некоторых уступок ряду религиозных объединений, скажем, сектантам и мусульманам, что, естественно, вызывало раздражение у РПЦ [11]. Особенно бывшую государственную Церковь задевало наличие двойных стандартов в имущественном вопросе. Не случайно такую болезненную реакцию православной общественности вызвали, например, комментарии соответствующих статей нового советского законодательства о культах, прозвучавшие в 1918 г. из уст Управделами СНК РСФСР В.Д. Бонч-Бруевича, разъяснявшего, что экспроприации подлежит только имущество, жалованное в свое время Церкви со стороны государственной власти (камень в огород РПЦ); все, что приобретено на средства рядовых верующих, завещано и подарено частными лицами, не конфискуется, ибо и так принадлежит народу, объединившемуся в религиозные общины [12].

Ну и, само собой разумеется, серьезно препятствовала активизации «положительных» межконфессиональных контактов вероисповедная практика Православной Церкви времен царизма (память о бесчеловечных методах миссионеров была еще слишком свежа). Не удивительно, что большая часть сектантов платила РПЦ стойкой нелюбовью. Так, И. Трегубов [13], обращаясь по тому или иному поводу к В.Д. Бонч-Бруевичу, не упускал возможности указать

на «несовместимость коммунизма с православием», подчеркивая (27 апреля 1920 г.), что «... православие, ... как и католичество, будучи по своему духу и по своей организации враждебно коммунизму и революции, побуждает своих приверженцев враждебно относиться к коммунистам-большевикам и поддерживать их врагов...» [14].

Таким образом, анализ процессов, происходивших в религиозной сфере советского общества как сразу после Октября 1917 г., так и в начале 1920-х годов, свидетельствует, что во взаимоотношениях вероисповедных объединений различной конфессиональной направленности присутствовало значительно больше того, что разъединяло их между собой, нежели того, что могло бы их спланировать. Причиной тому были как личные амбиции религиозных лидеров, негативного свойства воспоминания о дореволюционных временах, так и активный прозелитизм, не прекращавшаяся (несмотря на законодательные запреты) миссионерская деятельность, борьба религиозных организаций за молитвенное пространство.

Примечания

1. Цыпин Вл., прот. История Русской церкви: 1917–1997 гг. М., 1997. (История Русской церкви: В 9 кн. Кн. 9). С. 47; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 103.
2. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 137-138.
3. Юдин А. Россия и Вселенская церковь: Судьбы российского католичества // Религия и демократия: Сб. статей. М., 1993. С. 489-490.
4. Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 6. С. 262-263; Церковные ведомости. 1918. № 9-10; № 17-18.
5. Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР. 1917–1968 гг. М., 1977. С. 42-45.
6. На собрании присутствовали: от Православной церкви – еп. Геннадий, прот. Рудинский; от старообрядцев – Комарницкий, от Англиканской церкви – Ломбард, от Католической церкви – почетный каноник Мациевич и прелат Будкевич, от магометан – имам Ахун Давлеканов, от иудеев – раввин Айзенштат, от ЕЛЦ – пасторы Виллегороде и Теман (Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1968. С. 166).
7. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 3. Д. 14. Л. 1, 3; Макаров Ю.Н. Власть, ВЧК и Русская православная церковь в первые годы советской власти // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 5-6.
8. Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. С. 240-241.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 155. Л. 32-35; Макаров Ю.Н. Практика реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в первые годы советской власти (1918–1921 гг.) // Вестник СГУТиКД. 2009. № 1. С. 188.
10. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 105-106; ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 216. Л. 116.
11. Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) // Исторические записки. 2005. № 8. С. 115-119.
12. Церковные ведомости. 1918. № 5. С. 195.
13. Рукописный отдел государственного музея истории религии, Санкт-Петербург (РО ГМИР). Ф. 13. Оп. 1. Д. 166. Л. 6; Д. 232. Л. 9; Д. 257. Л. 30-4; Д. 362, Л. 1-50; Ф. 1. Оп. 3. Д. 180. Л. 160-188.)
14. РО ГМИР. Ф. 2. Оп. 17. Д. 348. Л. 1-3.

Inter-confessional Contacts of Russian Orthodox Church in Post-October Period (October 1917–1921)

Yury N. Makarov

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya Str., Sochi 354000
Dr. (History), Professor
E-mail: yurymakarov61@yandex.ru

Abstract. The contribution analyses relations between Russian Orthodox Church and representatives of other confessions during the early years of Soviet Era.

Keywords: Russian Orthodox Church, inter-confessional contacts, Roman Catholic Church, Anglican Church, People's Commissariat of Justice, Council of People's Commissars, the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution, Speculation and Sabotage.

UDC
93/94